

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

✿ Книга 15 ✿

Архип Чудин и мастерская невозможного

МАСТЕРСКАЯ
НЕВОЗМОЖНОГО

УЛОВИТЕЛЬ
СЛОВ

Заворотино:
деревня между мирами

Виктор Алеветдинов

**Архип Чудин и
мастерская невозможного**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Архип Чудин и мастерская невозможного / В. Алеветдинов —
«Автор», 2026

После ярмарки Архип Чудин мечтал только об одном: тихо починить забор, чайник и самого себя. Но старая мастерская за огородом решила иначе. Дверь, которую он закрыл много лет назад, сама вспоминает хозяина, недоделанные приборы разбегаются по Заворотино, Бурчик взлетает над крышами, а сердечный двигатель запускает то, что Архип боялся тронуть больше всего, — его прошлое. Машина потерянных слов, самовар от одиночества, часы опоздавших признаний и гармошка Надежды вытаскивают наружу старые обиды, несказанные слова и жизнь, которая могла бы случиться. Теперь Архипу предстоит выбрать: войти в блестящую несбывшуюся судьбу или остаться там, где его ждут Агафья, друзья и вся упрямая деревня. «Мастерская невозможного» чинит не вещи. Она чинит то, что человек слишком долго прятал от самого себя.

Содержание

Глава 1. После ярмарки тишина звенит	5
Глава 2. Ключ, который сам вспомнил замок	11
Глава 3. Неделки выходят погулять	17
Глава 4. Машина потерянных слов	23
Глава 5. Самовар от одиночества	28
Глава 6. Часы опоздавших признаний	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Архип Чудин и мастерская невозможного

Глава 1. После ярмарки тишина звенит

Утро после ярмарки началось в Заворотино шумно, будто деревня всю ночь не спала, а копила новости за щеками. У магазина спорили, кто видел настоящего царя, кто едва не купил чужую концовку и кто сам чуть не стал чужой историей.

Архип Чудин стоял у своего забора и смотрел, как по дороге важно вышагивал Генерал Громыхало. Обычно Архип давно бы поддел Громыхало шуткой, но сегодня только провёл ладонью по щеколде калитки и промолчал.

Забор надо было чинить. На пеньке лежал молоток, у сарая обиженно пыхтел Бурчик, но хозяин стоял без дела.

— Не начинай, — сказал Архип.

Бурчик качнул фарой.

— И ты туда же. Вся деревня сегодня как радио без выключателя.

Радио и правда не требовалось. Прасковья Шептунова у магазина рассказывала, как видела на ярмарке сказку про молчаливую мудрую отшельницу.

— Представляете, я и молчаливая! Это ж какой продавец без совести такое человеку предлагает?

— Через пять минут сказка бы сама попросила возврат, — сказал Филимон Балагуров.

Прасковья махнула на него платком. После ярмарки все стали чуть мягче: примерили чужую судьбу, испугались, вернулись в свою и делали вид, что просто хорошо выспались.

Архип не выспался. Ночью ему трижды чудился стук железа. Потом пошёл запах старого машинного масла, каким пахли его руки лет сорок назад. Под утро приснился закрытый сарай за огородом: дверь дышала, будто ждала, когда её окликнут по имени.

От дома Агафьи послышался стук ведра. Архип повернулся. Агафья Ладина вышла к колодцу в тёплой кофте, с платком, завязанным крепко и по-хозяйски. Вчера она вернула свою беспокойную судьбу, а сегодня снова была при деле.

Она заметила Архипа и посмотрела внимательно: будто перед ней был чайник, который вроде кипит, но звук у него странный.

— Доброе, — сказал он.

— И тебе не хворать, Чудин. Ты чего такой короткий?

— В каком смысле?

— В словесном. Обычно тебя с утра слушаешь — уже обедать пора.

— Экономлю. После ярмарки слова подорожали.

Агафья прищурилась.

— Если голова шумит, чай пей. А если совесть, то чай покрепче.

— У меня, может, вообще ничего не шумит.

— Значит, плохо слушаешь.

Она взяла ведро и ушла во двор. Архип посмотрел ей вслед и вздохнул. Другие видели у него усы, гайки, шутки и Бурчика. Агафья видела, где под всем этим шов разошёлся.

К полудню деревня решила, что Архипа надо чинить.

Первой пришла Прасковья. Она появилась возле калитки с корзинкой и видом случайной прохожей, которая уже третий раз проходит мимо.

— Архип, ты живой?

— Пока да. А что, есть очередь?

— Есть подозрение, что ты испортился. Даже Мирон вчера улыбался. Правда, как человек, который подписал улыбку в трёх экземплярах, но всё равно.

Архип взял корзинку.

— Это от Агафьи?

— С чего ты взял?

— Ты свои пирожки так не прикрываешь. Ты их несёшь как улику.

Прасковья обрадовалась.

— Вот! Заработал! Значит, не совсем помер.

— Передай Агафье спасибо.

— Сам передай. Она не просила говорить, что это от неё.

— Тогда зачем говоришь?

— Для здоровья общестственности. Скрытный человек сначала молчит, потом у него сарай оживает, а потом вся деревня бегают с тазами.

Архип резко поднял глаза.

— С чего ты про сарай?

— А что сарай? Я про всякий сарай. У тебя их больше, чем ясных объяснений.

— Иди, Прасковья. Не то я тебе корзинку улущу. Будет сама новости собирать.

— А я не против. Пусть хоть корзинка работает без выходных.

Она ушла довольная: Архип огрызнулся, значит, жизнь в нём была. Но едва калитка закрылась, улыбка с его лица сползла. Слово «сарай» осталось висеть в воздухе, как паутина на гвозде.

Сарай за огородом он давно называл складом. Так было удобнее: склад можно не открывать годами. Мастерская — другое дело. У мастерской есть хозяин, а у хозяина есть прошлое. После Прасковьи явился Филимон. Он нёс под мышкой чайник без носика.

— Чудин, выручай. Чайник умер как мужчина: молча и в самый неподходящий момент.

— Так купи новый.

Филимон остановился посреди двора.

— Архип Чудин посоветовал купить новый чайник вместо того, чтобы приделать старому носик, свисток, характер и малую тягу для кухонных перелётов. Это надо записать для потомков.

Архип взял чайник, повертел в руках и вернул.

— Носик припаяю вечером.

— Вечером? Ты заболел приличием?

Из-за курятника выступил Генерал Громыхало.

— Требую инструкцию по эксплуатации пенсионера Чудина! Юмористическая функция снижена!

Архип едва не рассмеялся, но смех зацепился в груди и осыпался обратно.

— Всё, собрание закрыто.

Он забрал у Филимона чайник и ушёл к верстаку. Руки сами нашли припой, жестянку, старые клещи. Через десять минут носик стоял на месте, кривоватый, но крепкий. Филимон проверил и разочарованно вздохнул.

— А характер?

— В следующий раз.

— Плохой признак. Ты сегодня даже чайник недоделал.

Это слово задело сильнее, чем он ожидал. Недоделал. Архип опустил клещи на верстак и вдруг почувствовал в кармане что-то твёрдое.

С утра в этом кармане лежал только складной нож. Теперь там было ещё что-то круглое. Он отвернулся от Филимона и вынул маленькую медную шайбу.

Шайба была старая, потемневшая по краям. Такие он когда-то вырезал сам из листовой меди. На одной стороне шла неровная насечка. На другой было процарапано пять слов.

«Верни недоделанное, пока помнит».

Архип прочитал один раз. Потом второй. Буквы были его. Не сегодняшние, старые, острые, с нажимом. Так он писал в молодости, когда торопился и думал, что жизнь обязана ждать у двери, пока он закончит чертёж.

— Что там? — спросил Филимон.

Архип сжал шайбу в кулаке.

— Да так. Гайка.

— Гайки у тебя обычно не выглядят так, будто собираются исповедоваться.

— Филимон.

— Понял. Чайник беру, вопросы оставляю на потом. Но знай: молчаливый Чудин вызывает у деревни тревогу. И две романтические, но я не скажу чьи.

— И правильно.

— Потому что не знаешь?

— Потому что жить хочешь.

Филимон ушёл, довольный хотя бы этой угрозой. Шайба в ладони нагревалась. От неё пахло машинным маслом, старой пылью и весной, которой давно не было. Архип хотел бросить её в ящик с прочим железом. Открыл ящик, увидел винты, петли, обломок дверной ручки, катушку медной проволоки. Рука не разжалась.

К вечеру Заворотино немного успокоилось. Архип сидел на крыльце и делал вид, что чистит напильник. Напильник был чистый, и даже Бурчик смотрел с укором.

Со стороны дороги скрипнула калитка. Агафья вошла во двор без лишних слов, поставила на нижнюю ступеньку крыльца кружку с чаем и маленькую банку варенья.

— Прасковья сказала? — спросил он.

— Прасковья всегда говорит. Иногда даже полезное.

— Я не болен.

— Я чай не больным ношу. Я чай ношу тем, кто сидит на крыльце с видом мокрого валенка и портит общий пейзаж.

Архип взял кружку. Чай был крепкий, горячий, с чабрецом.

— Спасибо.

Агафья кивнула и уже повернулась уходить.

— Ты не спросишь?

Она остановилась.

— Спрошу, когда ты отвечать будешь. А пока только соврёшь, да ещё так неумело, что мне за тебя стыдно станет.

— Я умею врать красиво.

— Умел. Сегодня форма плохая.

Архип чуть улыбнулся. Вот это было похоже на жизнь.

Агафья заметила, как он прижимал ладонь к карману.

— Старое нашёл?

Архип молчал дольше, чем надо. Потом вынул шайбу и протянул ей.

Агафья прочитала надпись и нахмурилась.

— Твоё?

— Моё.

— Тогда чего на неё смотришь, будто она первая тебя узнала?

Архип забрал шайбу.

— Есть у меня за огородом мастерская.

— Я знаю.

— Ты не знаешь.

Агафья не стала спорить. Она просто ждала.

— Я её давно закрыл. До всех порталов. До Бурчика, до Громыхала, до ведомства, до наших с тобой... — он кашлянул. — До всего.

— А теперь она вспомнила, что закрыта?

— Ночью стучало. Изнутри.

Агафья удержалась от охов и крестного знаменья. Даже про ум Чудина промолчала. Только взяла банку из-под варенья, которую он машинально уже успел открыть, и закрутила крышку.

— Значит, иди посмотри.

— Просто так?

— Нет, с оркестром, пожарной командой и Филимоном для улучшения бедствия. Конечно, просто так.

— Там не просто железки.

— У тебя нигде не просто железки. У тебя даже чайник после ремонта смотрит с намерением.

Архип усмехнулся, но сразу отвёл глаза.

— Я не знаю, хочу ли открывать.

Агафья поставила банку рядом с кружкой.

— Тогда не открывай. Сходи и постой. Иногда двери сами понимают, что человек ещё не готов. А иногда, наоборот, не спрашивают.

Она ушла. Не стала утешать, не полезла в прошлое руками. Просто оставила чай, варенье и разрешение бояться без позора.

Архип сидел, пока чай почти остыл. Потом поднялся.

До старой мастерской путь был короткий: через двор, мимо Бурчика, за яблоню — к низкому сараю с перекошенной крышей. Но сегодня эта дорожка показалась длиннее дороги на Тридевятый уезд. Под яблоней когда-то стоял стол, на котором он чертил ночами. А дальше была дверь.

Дверь мастерской заросла травой у порога. На петлях проступила ржавчина. Большой навесной замок висел криво, но крепко.

Архип остановился в трёх шагах. Ночь вокруг была обычная, заворотинская. Где-то кашлянула корова. У Прасковьи скрипнула форточка. Со стороны Агафьиного двора донёлся кошачий звук. Марфа-Полночица, конечно, уже знала всё раньше людей.

Архип достал шайбу. В тёмноте буквы на меди слабо посветлели.

— Ну? — сказал он двери. — Чего тебе?

Дверь молчала.

— Я, может, занят. У меня забор чинить надо. Чайник Филимону доделать. Бурчик опять фарой моргает, наверняка считает себя недооценённым.

Изнутри донёлся стук.

Негромкий. Один стук, потом второй. Маленький молоток аккуратно бил по шляпке гвоздя, работал без спешки и без просьбы о помощи.

Архип замер. Стук повторился. В нём было что-то до обидного знакомое: так он сам стучал в молодости, когда не хотел будить дом, но всё равно не мог бросить работу.

— Хватит, — тихо сказал Архип.

Молоток послушно замолчал.

От этого стало хуже.

Архип протянул руку к замку, но не коснулся. Он вспомнил, как сам закрывал эту дверь. Как клал ключ в жестяную банку, потом банку прятал, потом место забывал нарочно. Как ска-

зал себе: всё, хватит. Человеку пора жить настоящим, а не железом разговаривать с тем, чего не вернёшь.

Сзади мягко зашуршала трава. Он обернулся. У яблони стояла Агафья. Без скалки. С накинутым на плечи платком.

— Я же сказал, что сам.

— А я и не мешаю.

— Следишь?

— Смотрю, чтобы тебя дверь не съела. Мало ли, у тебя вещи воспитаны странно.

— А если там такое, что лучше не трогать?

— Тогда завтра поставим табличку: «Не трогать без Чудина». А сегодня ты просто домой пойдёшь, чай допьёшь и поспишь.

— Не усну.

— Значит, будешь лежать и делать вид. Мужчины это любят.

Он посмотрел на неё и вдруг почувствовал, как устал. Не за день. За много лет. Устал быть весёлым там, где страшно. Устал чинить чужое, не открывая своё.

— Там я был другой, — сказал Архип.

Агафья не перебила.

— Резкий был. Глупый. Великие машины собирался строить. Всё думал: вот уеду, вот покажу, вот узнают. А потом...

Он замолчал. Дверь тихо скрипнула, хотя ветра не было.

— Потом не уехал, — сказала Агафья.

Архип кивнул.

— И с тех пор всё недоделанное туда складывал. Железки, чертежи, слова. Думал, полежит и забудется.

— У нас в Заворотино ничего нормально не забывается. Даже Филимонова шутка про козу до сих пор аukaется.

— То была сильная коза.

— То была бедная коза.

Они оба почти улыбнулись.

В мастерской снова стукнуло. Теперь не молотком. Скорее деревянная ручка упала на пол и покатилась. Архип вздрогнул, но не отступил.

— Иди домой, Агафья. Поздно.

— Пойду. Ты тоже долго не стой. Старому прошлому вредно, когда на него смотрят ночью. Оно начинает важничать.

Она повернулась и ушла по дорожке. У яблони остановилась, не оборачиваясь.

— Чудин.

— Чего?

— Если дверь сама откроется, не геройствуй. Позови. Я хоть и без скалки пришла, но это временное упущение.

Он выдохнул с тихим смешком.

— Понял.

Агафья ушла. В окне её дома вскоре загорелся свет. Значит, не ляжет, пока он не вернётся, и будет делать вид, что просто занялась делами. Архип знал этот вид заботы лучше любого чертежа.

Он снова повернулся к мастерской.

— Слышала? У меня теперь надзор.

Внутри что-то тихо щёлкнуло. Не замок. Дальше, глубже. Как будто старый механизм повернул зубец.

Архип достал шайбу и приложил её к доске двери. Медь стала тёплой. Буквы на ней на миг вспыхнули, потом погасли. Замок остался закрытым, щеколда не двинулась, петли не скрипнули.

Зато под нижним краем двери появилась светлая щель.

Из-под двери легла тёплая полоска света. В старой мастерской зажглась лампа, словно хозяину оставили дорогу к верстаку.

Глава 2. Ключ, который сам вспомнил замок

Утром Агафья пришла к Архипу с кастрюлей.

Кастрюля была целая, чистая и ни в чём не виноватая. На боку у неё имелась маленькая вмятина, но эта вмятина жила там с той зимы, когда Филимон пытался бросить снежок через весь двор и попал не в ведро, а в посуду. Получил от Агафьи такой взгляд, что неделю говорил тише.

Агафья несла кастрюлю обеими руками, будто та могла зашевелиться. На самом деле внутри у неё шевелилось беспокойство. Ночью в окне Архипова дома долго горел свет. Потом у старой мастерской за огородом мелькнула узкая полоска, будто там и правда зажгли лампу.

Агафья легла, полежала, встала, поругала себя за старушечью любопытность и поняла, что это не любопытность. Это хуже. Это забота. А заботу о Чудине удобнее было называть проверкой пожарной безопасности.

Архип сидел у крыльца на низкой табуретке и держал в руках медную шайбу. Перед ним стоял недопитый чай. Судя по виду, чай уже успел остыть и потерять веру в людей.

— Чудин, — сказала Агафья от калитки. — У меня кастрюля смотрит подозрительно.

Архип поднял голову. Под глазами у него лежала ночная усталость, но он всё же попытался улыбнуться.

— Кастрюля смотреть не может. У неё глаз нет.

— У некоторых людей глаза есть, а толку меньше, чем от кастрюли.

— Это ты сейчас на кого намекаешь?

— На кастрюлю. Не всё в мире про тебя.

Он встал, забрал у неё кастрюлю и заглянул внутрь.

— Пустая.

— Вот именно. Нормальная кастрюля пустой так не выглядит.

— А как она должна выглядеть?

— Честнее.

Архип хмыкнул. Почти прежний звук, но слабый. Агафья это отметила и прошла во двор без приглашения. Бурчик у сарая вытянулся так, словно всю ночь не спал вместе с хозяином.

— Ну что, — сказала Агафья, — кастрюлю лечить будешь или дальше с шайбой переглядываться?

Архип сунул шайбу в карман.

— С шайбой мы не переглядываемся. Мы ведём техническое обсуждение.

— Она тебе что-нибудь ответила?

— Молчит.

— Значит, умнее некоторых.

Он понёс кастрюлю к верстаку под навесом. Агафья шла следом и смотрела не на кастрюлю, а на него. Архип пытался двигаться привычно: взял тряпку, постучал по боку, прищурился. Но руки его то и дело сбивались. Будто он чинил не посуду, а собственную память.

— Ночью ходил? — спросила Агафья.

Кастрюля звякнула от лишнего стука.

— Куда?

— Не в город же на танцы. К мастерской.

Архип поставил кастрюлю на верстак.

— Ходил.

— И?

— Стоит.

— Это я и без тебя знаю. Она летать не должна.

— Не открывал.

Агафья кивнула. Не похвалила, не стала допытываться. Только взяла кастрюлю, повернула в руках и сказала:

— Значит, сегодня откроешь.

— С чего это?

— С того, что она тебя уже позвала. Если не пойдёшь сам, позовёт громче. У нас в Заворотино тихо не умеют ни люди, ни сараи.

Архип хотел ответить, но вдруг замер. Его правая рука сама потянулась к карману. Он нахмурился, вытащил не шайбу, а старый ключ.

Ключ был длинный, тёмный, с круглой головкой. К нему на грубой нитке была привязана картонная бирка, пожелтевшая по краям. На бирке кривыми буквами было написано: «Не открывать, пока не станет поздно».

Агафья прочитала и посмотрела на Архипа поверх очков.

— Очень разумно. Главное — не перепутать момент.

— Его здесь не было.

— Ключа?

— В кармане. Я туда вчера шайбу положил.

— Может, ключ тоже решил, что ему пора на воздух.

Архип держал ключ так, будто тот был горячим. Внутри двора сразу стало тише. Даже Бурчик перестал фыркать.

За забором громко кашлянули.

Агафья не обернулась.

— Прасковья, если кашель от любопытства, мёд не поможет.

Из-за забора поднялась голова Прасковьи Шептуновой.

— Я вообще-то к тебе шла. За солью.

— Ко мне — это через Архипов забор?

— У меня маршрут сложный. Женщина с солью не обязана отчитываться.

С другой стороны послышался голос Филимона:

— А я за Прасковьей присматриваю. Вдруг соль рассыплет, а я суеверный, мне надо заранее испугаться.

Архип закрыл глаза.

— Вот теперь точно можно не открывать. Публика собралась.

— Поздно, — сказала Агафья. — Когда в Заворотино публика собралась, событие уже числится начатым.

Прасковья вошла через калитку. Филимон появился следом, неся чайник с новым носиком. Носик блестел так гордо, будто получил должность.

— Мы не мешаем, — сказала Прасковья.

— Мы исторически присутствуем, — добавил Филимон. — Надо же кому-то потом правду приукрасить.

Бурчик вдруг сам тронулся с места. Мотор не завёлся, колёса почти не крутились, но трактор всё равно медленно покатился к огороду, где за яблоней стояла мастерская. Доехал до грядки, остановился и заглох так торжественно, будто у него кончились не силы, а смелость.

— Видали? — прошептала Прасковья. — Даже трактор пошёл.

— Он не пошёл, — сказал Филимон. — Он выдвинулся с достоинством и передумал.

Архип посмотрел на ключ, потом на Агафью.

— Может, не надо при всех?

Агафья сразу стала строже.

— Тогда выметай всех.

Прасковья прижала ладонь к груди.

— Меня? При таком историческом ключе?

— Прасковья, — сказала Агафья.

— Всё, молчу. Но молчать буду с выражением.

Архип пошёл к огороду. Агафья двинулась рядом. Прасковья и Филимон держались позади, делая вид, что их никто не видит. Бурчик стоял у яблони и смотрел на мастерскую одной фарой. Генерал Громышало прибежал от курятника, тяжело дыша от важности.

— Объект вскрытия обнаружен! Требую построения!

— Построй кур, — бросила Агафья.

— Куры отказались по причине волнения!

— Умнее людей.

Мастерская стояла в утреннем свете заброшенная и упрямая. Низкая крыша местами просела, у порога торчала трава, на двери висел большой замок. Вчерашняя светлая щель под дверью пропала, словно её и не было.

Архип остановился перед порогом. Он хорошо помнил, как закрывал эту дверь. Помнил банку из-под гвоздей, куда бросил ключ. Помнил, как потом переставлял банку, пока однажды не нашёл её и даже обрадовался.

А теперь ключ вернулся сам.

— Ну? — спросил Филимон шёпотом. — Замок узнаёт родственника?

Архип вставил ключ. Тот вошёл легко, будто замок только этого и ждал. Но не повернулся.

Архип попробовал сильнее. Замок не двинулся. Он вытер ладонь о штаны и попробовал ещё раз. Без толку.

— Ржавчина, — сказал он.

— Удобное объяснение, — заметила Агафья.

— А какое тебе надо?

— Правдивое.

Он дёрнул ключ. Замок звякнул, но остался закрытым.

Филимон сразу оживился.

— Есть предложение: сказать замку что-нибудь ласковое. Я однажды так с велосипедом договорился.

— Твой велосипед потом уехал без тебя, — напомнила Прасковья.

— Зато самостоятельно.

Агафья подошла ближе и положила ладонь на дверь. Доски были холодные, но под пальцами шло слабое дрожание, как у печки перед растопкой.

— Не ключом она открывается, — сказала она.

Архип резко повернулся к ней.

— Откуда знаешь?

— Чувствую.

— С каких пор ты специалист по моим дверям?

— С тех пор как твои двери начали светиться по ночам.

Мастерская тихо скрипнула. Не петлями. Где-то внутри. Будто рассмеялась, но старалась быть приличной.

На двери возле замка проступила пыльная полоска. Она сложилась в кривые буквы: «Скажи как хозяин».

Архип отступил на полшага.

— Вот ещё.

— Что «вот ещё»? — спросила Агафья.

— Не буду я с сараем разговаривать.

— Вчера с дверью разговаривал.

— Вчера ночь была. Ночью человеку многое простительно.

Прасковья наклонилась к Филимону:

— Запомни. Ночью Чудин с дверями общается, утром стесняется. Это уже почти роман. Филимон кивнул.

— С дверью у него, похоже, серьезнее, чем у некоторых с людьми.

— Я всё слышу, — сказал Архип.

— Вот и дверь слышит, — ответила Агафья. — Говори.

Архип посмотрел на доски. За ними было то, что он столько лет держал закрытым: механизмы, чертежи и недописанные письма. Вся юношеская дурь, злость и надежда лежали там же. Там стоял он сам — молодой, упрямый, уверенный, что любое сердце можно собрать, если найти правильную передачу.

— Я пришёл, — сказал Архип.

Дверь не двинулась.

Прасковья осторожно подняла палец.

— Может, надо полнее? Например: «Я, Архип Чудин, в здравом уме...» Хотя про здравый ум можно не рисковать.

— Прасковья, — сказала Агафья.

— Молчу.

Архип сжал ключ.

— Я пришёл, — повторил он глухо. — Слышишь? Это я.

Щеколда внутри медленно сдвинулась. Потом ещё раз щёлкнуло. Замок сам выплюнул ключ, качнулся и повис открытым.

Филимон отступил.

— Вот теперь я свидетельствую с уважением.

Дверь приоткрылась на палец. Из щели потянуло пылью, маслом, старым деревом и памятью о работе, которую бросили на середине.

Архип стоял неподвижно.

Агафья не подталкивала. Она только сказала:

— Если уж пришёл, заходи. А то дверь обидится и начнёт принимать гостей без разбору.

Он взялся за край двери. Доска под ладонью была тёплой. Не как от солнца. Как от ладони в ответ.

Дверь раскрылась.

Внутри было тёмно, но не пусто. На потолочной балке сама собой вспыхнула лампочка без провода. Потом вторая. Свет пошёл по мастерской неровно, цепляясь за банки, полки, верстак, коробки с деталями.

Прасковья заглянула через плечо Агафьи и шепнула:

— Мать честная. Тут не мастерская, тут Архипова голова, только с полками.

— Тогда осторожно, — сказал Филимон. — Вдруг там есть отдел с опасными мыслями.

Архип шагнул внутрь.

Пыль лежала везде, но не мёртвая. Она будто только притворялась неподвижной. У стены стояли недоделанные механизмы. На одном болталась медная трубка, другой был похож на самовар, который передумал быть самоваром и пошёл в науку. Над верстаком висели чертежи, пожелтевшие, с пятнами и поправками.

Агафья вошла следом и сразу подняла подол, чтобы не зацепить ржавую железку.

— Чудин, ты тут когда последний раз порядок видел?

— В молодости.

— Понятно. Значит, порядок тоже состарился и ушёл.

Мастерская тихо звякнула. С верхней полки сползла тряпка и упала прямо Филимону на голову, хотя он стоял у порога.

— Ага, — сказал он из-под тряпки. — Помещение с характером. Мне нравится, но изда-лека.

С потолка сорвалась старая каска и упала ему в руки. На каске белой краской было выве-дено: «Не трогать руками».

Филимон надел её с достоинством.

— Видите? Мастерская признала во мне важное лицо.

На другой полке дрогнула вторая каска, но не упала. Прасковья вытянула шею.

— А мне?

Каска повернулась к ней, подумала и осталась на месте.

— Это что значит? Я главный консультант по общественному мнению.

На ближайшей банке с гайками проступили буквы: «Особо не шуметь».

Филимон поклонился банке.

— Умная банка. Её бы на сельский сход председателем.

Агафья хотела усмехнуться, но взгляд её задержался на Архипе. Он стоял у верстака и смотрел на старый чертёж. Лицо у него изменилось: будто морщины никуда не делись, а человек внутри вдруг стал моложе и растерянее.

На чертеже была странная машина с множеством колёсиков и воронкой сверху. Подпись снизу выцвела, но читалась: «Словолов. Для фраз, которые не успели выйти».

Агафья молча прочитала и не стала спрашивать.

Архип протянул руку к бумаге, но не коснулся. Рядом лежала отвёртка с деревянной ручкой. Она сама подползла ближе к его пальцам, словно старая собака к хозяину.

— Ну здравствуй, — тихо сказал он.

Отвёртка остановилась.

Мастерская ответила лёгким гулом. Не пугающим. Скорее довольным. Как дом, который долго стоял закрытым и наконец услышал шаги своего человека.

Прасковья тем временем всё-таки схватила каску со второй полки. Каска пискнула и отпрыгнула обратно.

— Да что ж такое! Филимону можно, а мне нельзя?

— У Филимона голова для таких случаев подготовлена жизнью, — сказал Архип, не оборачиваясь.

— Вот! — Филимон поднял палец. — Чудин возвращается. Прошу занести в протокол: первая внятная обида дня.

— Это не обида, это техническая характеристика.

Агафья прошла дальше. У дальней стены под тряпкой стояла гармошка. Старая, потемневшая, с потрескавшимися мехами. Рядом лежала фотография лицом вниз. Агафья не стала её трогать. В этой мастерской чужие вещи сами выбирали, когда показываться.

— А это что? — спросила она, кивая на крупный предмет под брезентом в центре.

Архип резко повернулся.

— Не трогай.

Слова сорвались резче, чем он хотел. Прасковья даже рот прикрыла, а Филимон перестал поправлять каску.

Брезент лежал на большом агрегате. Под ним угадывались колёса, высокая стойка, толстые провода и что-то круглое, похожее на металлическую грудную клетку. Оттуда шло слабое тепло.

Агафья отступила на шаг.

— Не трогаю.

Архип будто только тогда понял, как сказал. Провёл ладонью по лицу.

— Извини.

— За что?

— Рывкнул.

— Слышала. Жива.

Она сказала это без обиды, но Архип всё равно отвернулся.

На стене возле верстака вдруг засветился ещё один чертёж. Сначала проступили линии: круг, рычаг, переплетение шестерёнок. Потом медленно появилась подпись.

Архип заметил это первым. Он шагнул к стене, но свет уже разлился по бумаге.

«Сердечный двигатель».

Агафья прочитала молча. Прасковья втянула воздух. Филимон снял каску и прижал к животу.

Архип резко закрыл надпись ладонью, будто мог удержать свет кожей.

— Хватит, — сказал он мастерской. — Я пришёл. Но это ты зря вспомнила.

Глава 3. Недоделки выходят погулять

Архип держал ладонь на чертеже так крепко, будто мог закрыть не бумагу, а всю молодость разом. Под пальцами ещё светились линии и подпись, которую он не хотел видеть: «Сердечный двигатель».

Мастерская вокруг него тихо гудела. Банки с гайками звякали на полках, старая лампочка под потолком мигала, а брезент в центре комнаты едва заметно шевелился, хотя ветра не было.

— Чудин, — сказала Агафья, — убери руку. Бумага тебе не враг.

— Не трогайте ничего, — ответил он.

Филимон у порога поправил каску с надписью «Не трогать руками».

— Я лично уже ничего не трогаю. Меня помещение само тронуло и выдало защиту на голову.

Прасковья заглянула через плечо Агафьи.

— А что за двигатель-то? Сердце чинит или, наоборот, окончательно портит?

Архип резко обернулся.

— Прасковья.

— Всё, поняла. Вопрос семейно-технический.

На верхней полке что-то щёлкнуло. Потом шевельнулась пыльная тряпка. Из-под неё выкатился медный прибор с проволочными усиками и двумя маленькими сеточками по бокам. Он потряс усами, будто проснулся не вовремя, и взлетел над верстаком.

Следом ожила коробочка с циферблатом. За ней по доске покати́лась самоварная трубка, круглая штуковина с мутным стеклом и пара старых валенок. Валенки прыгнули на пол и сразу выбрали Филимона.

— Нет, — сказал Филимон. — Я обувь уважаю, но отношения заводить не готов.

Один валенок ухватил его за штанину. Второй подскочил к Прасковье и попытался натянуться на её калошу.

— Отстань, шерстяной нахал! — Прасковья стала трясти ногой. — Я сегодня не в приключениях, я в наблюдателях.

Агафья поймала валенок за голенище и дёрнула. Валенки возмущённо пискнули.

— Архип, командуй своим хозяйством.

— Это не хозяйство. Это опытные образцы.

— Опыт у них плохой. Людей за ноги хватают.

Медный прибор с усиками подлетел к Прасковье, щёлкнул возле её уха и рванул к двери.

Архип побледнел.

— Словолов.

— Для чего? — спросила Агафья.

— Для потерянных слов.

— У нас слова не теряются, — сказала Прасковья. — У нас они быстро находят слушателей.

Словолов выскочил наружу. За ним прыгнул будильник, покати́лась самоварная трубка, а добромёр стукнулся о порог, звякнул и тоже выбрал свободу. Валенки, не сумев обути Филимона целиком, поскакали следом.

— Закрывай дверь! — приказала Агафья.

Архип захлопнул дверь. Щёколда сама поднялась, дверь вежливо открылась обратно. На внутренней стороне проступила надпись мелом: «Работа не завершена».

Филимон снял каску и поклонился двери.

— Уважаю. Вредничает, но с объяснением.

— Лови валенок, — сказала Агафья.

— Почему я?

— У тебя каска.

Филимон понял, что спорить поздно, и бросился во двор.

Снаружи уже начиналось представление. Бурчик у яблони смотрел на самоварную трубку, которая примерялась к его радиатору и выпускала пар с видом делового мастера. Трактор фыркнул, попятился и заглох от возмущения.

— Не смей к нему лезть! — рявкнул Архип.

Трубка обиженно пыхнула и покатила к улице.

Генерал Громышало выскочил из-за сарая.

— Неучтённые предметы покинули помещение! Требую построения!

Один валенок развернулся и попытался обуть петуха. Громышало подпрыгнул так высоко, что едва не сел на забор.

— Отставить нападение на командный состав!

Агафья на секунду прыснула, но сразу взяла себя в руки.

— Чудин, куда они бегут?

— Куда хотят.

— Замечательно. У тебя приборы как подростки.

Архип смотрел на улицу и чувствовал, как внутри поднимается вина. Каждая железка была его. Он придумал их для пользы и смешной помощи, потом бросил. Теперь они вырвались наружу, будто обиженные дети.

— Надо собрать, — сказал он.

— Надо. Только сначала поймём, что они делают.

Понять помогла сама деревня.

У колодца возле Нинино дома два ведра вдруг поднялись с земли, ухватили коромысло и пошли к срубам. Нина выбежала на крыльцо в фартуке.

— Вы куда?

Вёдра не ответили. Одно подцепило ворот, второе подставилось под цепь. Через минуту оба стояли полные воды.

— Агафья! — позвала Нина. — У меня вёдра хозяйничают!

— Радуйся, — отозвался Филимон. — У многих мужики так не помогают!

У магазина ожил половик. Он подпрыгнул, свернулся рулоном, потом развернулся и начал выбивать из себя пыль. Пыль оказалась не простая. Из неё вылетали обрывки старых разговоров.

— Я ей тогда говорила...

— А он вроде бы заходил...

— Огурцы у них подозрительно крупные...

Прасковья застыла.

— Это что такое?

Агафья посмотрела на неё.

— Похоже, половик выбивает пыль из сплетен.

Филимон уважительно присвистнул.

— Прасковья, если он дойдёт до твоего коврика, деревню завалит архивом.

Прасковья открыла рот для ответа, но словолов сел ей на плечо и радостно щёлкнул.

— Нина сегодня прямо как сирень у клуба, — сказала Прасковья.

На улице стало тихо. Нина у колодца расправила фартук и покраснела.

— Спасибо, Прасковья.

Прасковья схватилась за рот.

— Я не это хотела! Я хотела сказать, что она опять красуется!

Словолов щёлкнул ещё раз.

— И фартук у неё чистый, аккуратный, всем бы так.

Филимон согнулся от смеха.

— Дайте мне этот прибор. Я хочу увидеть конец эпохи.

Прасковья сдёрнула словолов с плеча и сунула ему.

— На. Посмотрим, что ты выдашь.

Филимон взял прибор двумя пальцами, расправил плечи и посмотрел на Прасковью с нарочитой важностью.

— Прасковья Шептунова является важной частью деревенской связи. Без неё новости теряют скорость, а жизнь — хруст.

Он сам удивился.

— Хруст я не планировал.

Словолов щёлкнул у него под ухом, и Филимон добавил уже тише:

— И ещё ты ворчишь так много, потому что за всех переживаешь.

Прасковья выхватила прибор обратно.

— Всё. Нельзя людям такое выдавать. Это не устройство, а позор с крылышками.

Агафья посмотрела на Архипа. Он стоял рядом, но будто провалился куда-то в свои полки. На улице смеялись, бегали, ловили валенки, а он видел не смешную суету, а молодые руки над медными усиками словолова. Видел, как когда-то хотел помочь людям сказать нужное вовремя. Сам не сказал.

— Чудин, — позвала Агафья.

Он вздрогнул.

— Что?

— Соберись. Твои железки деревню воспитывают.

— Я их не для этого делал.

— А для чего?

Архип не ответил. Словолов в руках Прасковьи тихо щёлкнул, и Агафья поняла: если прибор подлетит к Архипу, разговор может начаться раньше, чем он выдержит.

По дороге вдруг побежали старые письма. Они вылетали из почтового ящика возле бывшего сельсовета, хлопали клапанами и расходились по дворам. Один конверт сел на крыльцо Нины. Другой ткнулся в окно Филимонова дома. Третий долго кружил над Прасковьей, пока она не подняла руку.

Письмо легло ей в ладонь. Прасковья посмотрела на почерк и замолчала. Без прибора и лишнего театра. Просто замолчала.

Агафья отвернулась. Не всякая правда для улицы.

Будильник признаний забрался на лавочку у магазина и звякнул. Негромко, но так, что у людей сразу менялись лица.

Нина повернулась к соседке через забор.

— Мария, я тогда твою лопату брала. Не мыши утащили.

Мария медленно поставила таз на землю.

— Восемь лет прошло.

— Вернуть хотела.

— Лопату?

— Сначала её.

Мария помолчала и фыркнула.

— Начинай с лопаты. Дальше видно будет.

Филимон восхищённо развёл руками.

— Великолепный прибор. Бьёт по хозяйству и душе одновременно.

Добромер выкатился на середину улицы и остановился перед Громышало. Стрелка дёрнулась, подумала и показала среднее значение.

Петух расправил крылья.

— Прибор клеветает на командование!

Он клюнул добромер. Стрелка опустилась ниже.

— Не надо было спорить с техникой, — сказала Агафья.

Архип наконец шагнул вперёд.

— Так. Словолов ко мне. Будильник тоже. Добромер не клеветать. Валенки поймать. Трубку убрать от Бурчика, пока она ему печку не устроила.

— Командует! — обрадовался Филимон. — Вернулся человек.

— Не радуйся. Лови правый валенок.

— Почему правый?

— Потому что левый ловит тебя.

Филимон обернулся с опозданием. Валенок вцепился ему в штанину, затянул невидимую шнуровку и потянул к мастерской.

— Архип! У твоей обуви стратегическое мышление!

— Это ещё не мышление. Это набросок.

Агафья ловила словолов полотенцем. Прибор уворачивался, но далеко не улетал, словно ему нравилось слушать, как люди делаются добрее против своей привычки. Прасковья шла следом и всякий раз, когда собиралась сказать колкость, выдавала комплимент.

— Нина, у тебя огурцы в этом году красивые... ой, чтоб тебя, медная зараза! Я хотела сказать, что ты ими хвастаешься.

Нина светилась.

— Спасибо, Прасковья.

— Не привыкай!

Словолов щёлкнул.

— Хотя заслужила.

Агафья наконец набросила полотенце на прибор и прижала к себе. Словолов бился под тканью, но не зло. Скорее нетерпеливо.

Архип поймал будильник признаний и зажал кнопку. Звон прекратился. Он сунул прибор в карман, но тот продолжал тихо тикать, как укор.

Это тикание он помнил. Когда-то он собирал этот будильник после письма, которое так и не отправил. Хотел сделать вещь, которая напоминала бы сказать важное до того, как станет поздно. Сделал корпус, стрелку, пружину и бросил. Теперь брошенное ходило по деревне и требовало смелости с других.

— Чудин, — сказала Агафья уже рядом. — Ты бледный.

— Пыль.

— Пыль снаружи, а бледный ты внутри.

Он хотел отшутиться, но со стороны дороги послышался знакомый аккуратный голос.

— Прошу всех сохранять относительное спокойствие.

К ним шёл Мирон Перьев. В руках он держал набитую листами папку. Рядом шагала Алёна. По её лицу было видно: ведомственное объяснение она уже выслушала и готова перевести его на человеческий.

— Относительное? — спросила Агафья.

— Полное спокойствие в Заворотино статистически недостижимо, — ответил Мирон. — Поэтому прошу хотя бы относительное.

Алёна оглядела улицу: вёдра у колодца, половик со сплетнями, Прасковья с мучительно добрым лицом. Дальше хватало одного взгляда: Филимон в каске, Бурчик рядом с самоварной трубкой, Громышало перед добромером.

— Бабушка, у вас тут снова местный обычай или уже беда?

— Пока обычай, — сказала Агафья. — Беда обычно приходит с бумагами.

Мирон поднял папку.

— Поэтому я здесь. Межмировое ведомство зафиксировало активацию незарегистрированного частного узла исправления судьбы.

Филимон остановился с валенком в руках.

— Красиво сказано. А по-нашему?

Алёна вздохнула.

— У Архипа проснулась мастерская и чинит людей без записи.

— Не людей, — резко сказал Архип. — Приборы просто работают.

Мирон открыл папку.

— Первичные показания говорят о вмешательстве в незавершённые слова, бытовые связи и личные сожаления.

Прасковья оживилась.

— Личные сожаления? Это у кого?

Словолов под полотенцем щёлкнул. Прасковья тут же побледнела.

— Я хотела сказать: пусть каждый бережёт своё, конечно.

Алёна посмотрела на полотенце.

— Это оно с ней сделало?

— Да, — сказала Агафья. — Полезная штука, но Прасковья против лечения.

— Я не против лечения. Я против, когда меня лечат наружу.

Мирон сделал пометку.

— Побочный эффект: принудительное речевое смягчение.

— Не пиши так, — сказала Алёна. — Напиши: «Прасковья временно говорит хорошее, деревня держится».

— Это не служебная формулировка.

— Зато честная.

Архип молчал. Чем больше Мирон говорил, тем сильнее его тянуло обратно к мастерской. Там, под брезентом, оставался большой агрегат. Он словно не выходил наружу только потому, что ждал своего часа.

— Приборы надо вернуть, — сказал Архип.

— И закрыть мастерскую? — спросил Мирон.

Архип дёрнулся.

Агафья сразу встала между ними.

— Сначала вернуть, потом думать. У нас тут валенок трактор обувает, а вы уже до закрытия дошли.

Бурчик фыркнул. Самоварная трубка, успевшая снова подъехать к его радиатору, пыхнула в ответ и покатила к мастерской.

Все двинулись следом. У открытой двери приборы будто сами потеряли прыть. Словолов выскользнул из полотенца и сел на полку. Будильник выскочил из кармана Архипа и встал рядом. Добромер закатился под верстак. Валенки прыгнули в угол, где и нашли друг друга.

Филимон остановился у порога.

— Значит, набедокурили и домой. Хорошая система. Мне бы такую в молодости.

— Тебе бы сарай мал был, — сказала Прасковья.

Словолов щёлкнул, и она добавила:

— Но человек ты всё равно нужный.

Филимон даже каску снял.

— Прасковья, осторожнее. Я к хорошему не привык.

Мастерская встретила Архипа тихим звоном банок. Приборы успокоились, но не уснули. Они будто ждали, что хозяин наконец скажет, зачем бросил их недоделанными.

Мирон остановился у порога.

— Архип Петрович, если активность продолжится, ведомство потребует ограничения доступа.

— Печать повесите? — спросил Архип.

— Это одна из возможных мер.

С потолка сорвалась маленькая гайка и упала прямо на папку Мирона. На верхнем листе буквы сами перестроились.

Алёна прочитала:

— «Не лезь с печатью, пока люди разговаривают».

Филимон восхищённо присвистнул.

— Вот это документ. Коротко и с характером.

Мирон смутился.

— Ведомственные материалы не должны менять содержание под воздействием помещения.

— Скажи это помещению, — посоветовала Агафья.

Архип не слушал. Он увидел у стены новый предмет. Маленькая стрелка на круглом основании. Похожа на компас, только без сторон света. Стрелка дрожала, потом повернулась.

Стрелка ушла мимо двери, полки и словолова.

Она указала туда, где под брезентом стоял большой агрегат.

Архип шагнул к стрелке. Та отъехала на полшага и снова указала на брезент. В мастерской стало так тихо, что слышно было, как тикает будильник признаний.

Агафья посмотрела на Архипа.

— Это тоже твоё?

Он не сразу ответил. За брезентом будто дышало железо, память и слово, которое он много лет не произносил.

— Моё, — сказал Архип. — Только лучше бы оно дальше спало.

Под брезентом тихо шевельнулось железо.

Глава 4. Машина потерянных слов

Утром следующего дня словолов сидел на верхней полке мастерской и делал вид, что он простая железка. Выходило плохо. Медные усики время от времени подрагивали, сеточки по бокам шевелились, а изнутри доносилось тихое щёлканье, будто прибор пережёвывал вчерашние разговоры.

Прасковья стояла под полкой, сложив руки на груди. После вчерашнего она смотрела на словолов как на личного врага, который знает чересчур много хорошего.

— Чудин, убери эту блоху обратно в детство, — сказала она. — Я с утра уже три раза хотела сказать нормальную правду, а выходила благотворительность языком.

Архип сидел у верстака и ковырялся в корпусе будильника признаний. Он делал вид, что занят только винтами, но на словолов поглядывал часто. Прибор за ночь изменился: стал крупнее, под ним появилась воронка, а к боку приросла катушка медной проволоки. Такого Архип не собирал. Или собирал, но не успел признаться даже себе.

— Он не должен был расти, — пробормотал Архип.

Агафья, которая протирала с полки пыль старой тряпкой, сразу подняла голову.

— А он знал, что не должен?

— Железо обычно не спрашивает.

— У тебя железо обычно ещё и обижается, если его не похвалили.

Словолов щёлкнул, словно согласился.

Филимон подошёл ближе, но держался на безопасном расстоянии. Каску с надписью «Не трогать руками» он снова надел, потому что считал её официальным допуском к чудесам. На всякий случай руки держал за спиной.

— Может, он вырос от питания сплетнями? Тогда Прасковья виновата. У неё ресурс неисчерпаемый.

Прасковья повернулась к нему.

— Филимон, ты сегодня выглядишь бодро и даже почти прилично, — сказала она и тут же схватилась за рот. — Вот! Вот опять! Я хотела сказать, что на тебе каска сидит как крышка на пустой банке.

Филимон просиял.

— Поздно. Первую версию я уже запомнил.

Словолов спрыгнул с полки. В воздухе он раскрылся, как медный цветок. Сеточки разошлись шире, воронка вытянулась, из катушки сама выползла проволока и впиалась в старую жестяную коробку на верстаке. Коробка дрогнула, раскрылась, и оттуда высыпались мелкие бумажные полоски.

На каждой полоске было по фразе. Одни слова едва читались, другие выступали свежо, будто их написали минуту назад.

Агафья взяла ближайшую полоску, прочитала и нахмурилась.

— «Прости, я тогда тебя ждала». Это чьё?

Мастерская ответила тихим гулом. Словолов повернулся к Прасковье.

— Нет, — сказала Прасковья. — Не моё. У меня все извинения учтены. Почти.

Прибор щёлкнул. Бумажная полоска поднялась и сама легла Прасковье на ладонь.

Прасковья прочитала ещё раз. Лицо у неё стало сердитое, но не обычной сердитостью. Так сердятся, когда больно, а показывать нельзя.

— Это сестре, — буркнула она. — Было дело. Сто лет назад. Она уехала, я гордая осталась. Всё, обсуждать нечего.

— А прибор считает, что есть чего, — сказал Филимон.

— Прибор пусть сначала своих родственников найдёт.

Словолов поднялся выше. Его сеточки завертелись быстрее, и в мастерской зашуршали голоса. Не громкие, не чужие. Скорее забытые. Они цеплялись за доски, за банки с гайками, за воротники людей.

Прасковья вдруг повернулась к Агафье.

— Агафьюшка, ты иногда так держишься, будто одна всю деревню на плечах несёшь, а ведь мы рядом. Просто шумные, бестолковые и часто не вовремя.

Она сама испугалась сказанного и отступила.

— Всё. Я ухожу. Меня сейчас окончательно испортят.

Агафья смотрела на неё с неожиданной мягкостью.

— Не уходи. Раз уж начала, потерпи.

— Тебе легко говорить. Ты если добро скажешь, все решат, что температура поднялась.

А я теперь как сироп без банки.

Филимон хмыкнул, но не стал шутить. Прибор повернулся к нему.

— Ко мне не надо, — сказал он. — Я человек простой. У меня слова не теряются, они сами разбегаются от стыда.

Словолов подплыл ближе. Филимон отступил, упёрся спиной в верстак и поднял руки.

— Не подходи, медная совесть. Я в каске.

Каска на его голове звякнула и сама повернулась надписью к прибору: «Не спасает».

Агафья фыркнула.

— Хорошая каска. Честная.

Словолов завис перед Филимоном. Воронка тихо втянула воздух. Из прибора вылетела бумажная полоска и прилипла к его рукаву.

Филимон снял её и прочитал. Улыбка с него сползла не сразу, а осторожно, будто боялась ушибиться.

— Ну? — спросила Прасковья, уже жалея, что спросила.

— Ничего.

— Раз ничего, показывай.

— У тебя командный тон вредный.

— Это не тон, это забота без бантика.

Филимон помял полоску, но словолов щёлкнул так строго, что он разжал пальцы. Прасковья сама прочитала и вдруг перестала шуриться.

На полоске было написано: «Без тебя в Заворотино было бы тише, но пустее».

Филимон кашлянул.

— Я это не писал.

— А кто?

— Может, прибор. У него фантазия.

Словолов сердито жужжнул.

Агафья скрестила руки.

— Филимон, не юли. Машина слова не выдумывает.

— Уже машина? — нервно спросил он.

Архип поднял голову. Словолов действительно больше не был маленьким ловцом. Пока они спорили, он прирос к жестяной коробке, втянул в себя катушку, старую трубку от граммофона и карманный корпус от какого-то недоделанного аппарата. Теперь на верстаке стояла странная машина: медная воронка, две сетки, ручка сбоку и узкое окно, откуда вылезали бумажные фразы.

— Машина потерянных слов, — тихо сказал Архип.

Агафья посмотрела на него.

— Ты её так называл?

— Хотел назвать. Потом решил, что глупость.

— Глупость у тебя обычно сначала лежит на полке, а потом по деревне ходит.

На боку корпуса проступила старая надпись карандашом: «Сказать до вечера». Архип помнил этот вечер. Тогда дождь стучал по крыше, письмо лежало в кармане, а он всё откладывал разговор до завтра. Завтра потом растянулось на годы. Он отвёл взгляд от надписи, но Агафья заметила, как у него дёрнулась щека.

Машина тихо заурчала. Из окна вышла новая полоска и поплыла к Филимону. Он поймал её, прочитал и сильно покраснел.

— Нет уж. Это совсем лишнее.

Прасковья шагнула ближе.

— Филимон.

Он вздохнул. Слова давались ему так, будто он тащил мешок картошки без мешка.

— Там написано, что ты мне нужна. Не для слухов и не для споров. Просто... когда тебя нет, спорить не с кем. И день пустой, как клуб без гармошки.

Прасковья моргнула. Потом моргнула ещё раз.

— Это ты сейчас прибором прикрываешься?

— Да. Но прибор попал.

Она отвернулась к полке и стала рассматривать банку с гвоздями так внимательно, будто там решалась судьба урожая.

— Дурак ты, Филимон.

— Это уже ты сама сказала?

— Сама. И с чувством.

Машина довольно щёлкнула, но тут же повернулась к двери. Снаружи слышались быстрые шаги. В мастерскую вошла Алёна, а за ней Мирон с папкой. Он держал её осторожно, потому что после вчерашнего не доверял ни документам, ни мебели.

— Нам сообщили о развитии аномалии словесного типа, — начал Мирон.

— Кто сообщил? — спросила Агафья.

— Ведомственный лист сам дописал срочное уведомление.

Алёна показала лист. На нём крупно было выведено: «В Заворотино говорят лишнее. Срочно разобраться, пока не стало полезно».

— Мне одной кажется, что документы у вас умнеют быстрее чиновников? — спросила она.

Мирон поправил воротник.

— Документы не умнеют. Они реагируют на нестабильную среду.

Машина потерянных слов повернула воронку к нему. Мирон заметил это и сразу стал официальнее.

— Прошу прибор не вмешиваться в работу уполномоченного представителя.

Из машины вылезла полоска и прилипла к его папке. Мирон попытался снять её незаметно, но Алёна оказалась быстрее.

— О, что тут?

— Это служебное.

— Тут написано: «Алёна, я хотел спросить, не устала ли ты вчера после дороги, но решил, что вопрос не относится к делу».

Мирон застыл.

Филимон уважительно присвистнул.

— Вот это аппарат. Вынимает даже то, что человек сам от себя под стол спрятал.

Алёна посмотрела на Мирона не насмешливо, а с любопытством.

— Ты правда хотел спросить?

— В рамках оценки общего состояния сопровождающего лица.

Машина щёлкнула. Вторая полоска вылетела следом.

Алёна прочитала:

— «И ещё хотел сказать, что без тебя в Заворотино сложнее понимать людей».

Мирон закрыл глаза.

— Прибор нарушает порядок служебного общения.

— Нет, — сказала Алёна. — Он просто убрал из него скуку.

Агафья кашлянула, пряча улыбку. Прасковья, наоборот, улыбалась широко, но тут же словила себя на добром выражении и снова стала строгой.

— Молодёжь, конечно, пошла странная. Им уже машина нужна, чтобы спросить, устал ли человек.

— Вам тоже пригодилась, — заметил Филимон.

Прасковья подняла палец.

— Не развивай успех, Балагуров. У нас тут ещё свидетели.

Мирон взял себя в руки и открыл папку.

— Прибор подлежит осмотру. Его функция может быть полезной, но опасной. Потерянные слова часто связаны с личной волей, а насильственное извлечение может привести к ссорам, примирениям, брачным обещаниям и другим трудно оформляемым последствиям.

— Брачные обещания он отдельно боится, — шепнул Филимон Прасковье.

— Тебе бы тоже не мешало.

— Я уже в каске.

Машина снова заурчала. Теперь она повернулась к Агафье. Та сразу отступила.

— Даже не думай. Я всё нужное говорю.

Медные сетки задрожали. Из окна вышла полоска, но Агафья перехватила её раньше, чем остальные успели прочитать. Глянула, сложила пополам и спрятала в карман фартука.

— Личное, — сказала она.

Архип посмотрел на неё. Машина тихо щёлкнула, будто хотела выдать вторую копию. Агафья положила ладонь на корпус.

— Не балуй.

Прибор затих. От её руки по меди прошёл спокойный свет. Архип заметил это и нахмурился. Мастерская слушала Агафью иначе, чем его. Не как хозяйку, но как человека, при котором железо вспоминало меру.

— Интересно, — сказал Мирон.

— Не надо, — предупредила Алёна. — Если ты сейчас скажешь «объект женского бытового влияния», бабушка этим объектом и приложит.

— Я не собирался.

— Собирался. У тебя лицо было служебное.

Архип вдруг поднялся.

— Хватит. Прибор надо разобрать.

Машина потерянных слов резко повернулась к нему. В мастерской стало тише. Даже Филимон замолчал без внешней помощи.

Агафья медленно посмотрела на Архипа.

— Почему сразу разобрать?

— Потому что она лезет туда, куда не звали.

— Пока она достала из людей не только боль. И не только лишнее.

— Пока, — сказал он.

Машина протянула к нему медную воронку. Архип отступил. Для всех это было почти незаметно, но Агафья увидела.

— Ты её боишься.

— Я знаю, что она может.

— А что она может с тобой?

Архип посмотрел на прибор, потом на брезент в центре мастерской. Компасная стрелка возле него всё ещё указывала туда, где стоял большой агрегат. Казалось, оба предмета знают друг о друге больше, чем он готов признать.

— Она может вытащить слово, которому не место здесь.

Прасковья хотела спросить, но удержалась. Словолов всё ещё был рядом, а доброе молчание давалось ей тяжело.

Мирон осторожно сказал:

— Архип Петрович, если прибор работает с уже существующими фразами, то запретить ему полностью невозможно без определения источника. Нужно понять, какое слово он ищет у вас.

— Не нужно.

Машина щёлкнула. Из окна медленно вышла полоска. Не белая, как прежде, а желтоватая, будто пролежала между страницами много лет. Она поднялась в воздух и поплыла к Архипу.

Он резко отвернулся.

Агафья поймала полоску.

— Читать? — спросила она.

— Нет.

Она не прочитала. Просто держала бумагу между пальцами. На лице у неё не было обиды. Только настороженность и то самое терпение, от которого Архипу становилось труднее прятаться.

Машина загудела сильнее. Бумага в руке Агафьи задрожала. Слова на ней проступали даже сквозь сгиб.

— Не надо, — сказал Архип.

Но прибор уже начал шептать. Сначала неразборчиво, как чайник перед кипением. Потом яснее.

— На...

Архип бросился к верстаку.

— Архип! — окликнула Агафья.

— ...деж...

Он нашёл старый предохранитель сбоку корпуса. Когда-то поставил его сам, на случай перегрева. Пальцы не сразу слушались.

— ...да.

Имя прозвучало тихо, но все услышали.

Архип выдернул предохранитель. Машина потерянных слов дёрнулась, воронка опустилась, бумажные полоски осыпались на верстак. В мастерской стало пусто от внезапной тишины.

Прасковья не спросила. Филимон не пошутил. Мирон закрыл папку. Алёна посмотрела на Агафью, но та смотрела только на Архипа.

Архип стоял у верстака с предохранителем в руке. Лицо у него было такое, будто он не машину остановил, а дверь перед человеком, который всё равно уже успел назвать его по имени.

Агафья медленно положила непрочитанную полоску на край верстака. Сверху прижала её ладонью, чтобы бумага не улетела обратно к прибору.

— Ладно, Чудин, — сказала она негромко. — Сегодня слова подождут. Но ты сам слышал: они уже нашли дорогу.

Глава 5. Самовар от одиночества

После имени, которое машина потерянных слов успела прошептать в мастерской, все разошлись не сразу. Люди стояли вокруг верстака и делали вид, что заняты делом. Только Агафья не притворялась. Она видела, как Архип положил предохранитель на край стола и отодвинулся от машины, будто та могла снова заговорить.

— На сегодня хватит, — сказала она. — Прибор закрыть. Людей выгнать. Чай пить.

— У меня не чайная, — ответил Архип.

— Вот поэтому у тебя всё и бегаёт по деревне. Не приучил к порядку.

Мастерская тихо звякнула банками. Агафья повернулась к полкам.

— И ты не начинай. Тебя тоже касается.

Прасковья посмотрела на неё с уважением.

— Предлагаю всем отойти от словесной машины, пока она не вспомнила, что я в детстве хотел стать скромным человеком, — сказал Филимон.

— Хотел? — удивилась Прасковья.

— Было слабое место. Потом прошло.

Мирон сделал пометку, но Алёна вытащила у него карандаш.

— Не записывай всё подряд. У нас люди ещё живые, а не приложение к твоему делу.

— Я фиксирую воздействие мастерской.

— Вот и зафиксируй: всем нужен перерыв.

Архип молча пошёл к двери. Он уже почти вышел, когда за его спиной что-то тяжело бухнуло. Потом бухнуло ещё раз, ниже, будто маленькая бочка решила пройтись.

Из дальнего угла, где стояли накрытые железки, выполз пузатый самовар.

Он был старый, медный, с боком в пятнах и кривыми ножками. Крышка сидела набе-крень, носик торчал гордо, а на пузе висела табличка: «Для тех, кто пьёт чай один».

Самовар сделал три неловких шага, остановился и выпустил пар. Пар пах чаем, вареньем и чуть-чуть машинным маслом.

Филимон тихо присвистнул.

— Вот это я понимаю. Прибор с человеческой программой.

Прасковья сразу насторожилась.

— А кто у нас пьёт чай один?

Самовар повернулся к ней всем пузом.

— Я не спрашивала! — быстро сказала Прасковья. — Я научно интересовалась.

Архип шагнул к самовару.

— Стоять.

Самовар послушно остановился. Потом подумал, развернулся и покатился к двери.

— Я сказал стоять.

На боку проступила новая надпись: «Поздно».

Агафья сложила руки на груди.

— Кажется, он тебя понял и не согласился.

Самовар вышел из мастерской. На пороге он чуть застрял кривой ножкой, но вывернулся и покатился к улице. За ним потянулся запах крепкого чая. Такой запах в Заворотино уважали сильнее протоколов.

— Не выпускать! — спохватился Мирон.

— Ты ему это сам скажи, — ответила Алёна. — Только сначала попроси разрешение на разговор с посудой.

Самовар докатился до середины улицы, остановился напротив магазина и раскрыл маленькие боковые полки. Из полок выехали чашки. Потом блюдца. Потом жестяная коробка

с бубликами. Столика у самовара не было, но он быстро решил вопрос: ближайшая лавка сама подползла ближе, табуретка из магазина вышла наружу, а у дома Нины с крыльца сорвался старый стул и степенно припрыгал к общему месту.

— Всё, — сказала Прасковья. — Заворотино дошло до самосервиса.

Из домов начали выходить люди. Нина несла банку варенья, потому что без варенья к самовару идти было неприлично. Мария вышла с той самой лопатой, которую ей недавно вернули словесным усилием. Филимон тащил пачку сухарей. Громыхало привёл за собой двух кур, но Агафья сразу указала ему на двор.

— Птицу за стол не сажать.

— Куры требуют культурного участия!

— Куры требуют зерна. Иди выполняй.

Громыхало обиделся, но ушёл командовать кормлением.

Самовар выпустил пар, и пар сложился в надпись над лавкой: «Садитесь тем, кому есть что сказать».

Нина тут же сделала шаг назад.

— Мне домой надо. У меня тесто.

Самовар повернул носик в её сторону. Из носика вылетел бублик, пролетел по дуге и мягко упал ей в ладонь.

— Ой, — сказала Нина.

Мария фыркнула.

— Теперь не отвертись. Бублик взяла — садись.

— А ты чего стоишь? — Нина ткнула в её сторону банкой. — У тебя тоже лицо виноватое.

— У меня лицо рабочее.

Самовар налил две чашки сам. Чай был тёмный, пах смородиной и чем-то таким домашним, от чего люди сразу начинали вспоминать, кого давно обидели.

Нина и Мария сели на лавку. Сначала по краям. Самовар подвинул чашки ближе к середине. Женщины переглянулись и тоже подвинулись.

— Говори, — сказала Мария.

— С чего это я?

— Бублик тебе первый прилетел.

Нина вздохнула.

— Я тогда не только лопату взяла. Я ещё обиделась, что ты ко мне на день рождения не пришла.

— У меня мать болела.

— Я знаю. Потом узнала. А тогда решила, что ты гордая.

Мария смотрела в чашку.

— Я тоже гордая была. Думала, раз ты не спросила, значит, тебе всё равно.

Филимон шепнул Прасковье:

— Самовар крепкий. Две соседки за пять минут сделал людьми.

— А тебя за сколько сделает?

— На меня воды не хватит.

Самовар резко повернулся к нему. Из коробки вылетел бублик и ткнулся Филимону в грудь.

— Принято, — сказал Филимон. — Вода есть.

Агафья наблюдала со стороны. Ей не нравились приборы, которые лезли в душу без стука. Но этот самовар не рвал слова наружу, как машина. Он ставил чашку, давал бублик, заставлял человека посидеть.

Алёна и Мирон подошли вместе, но сели не сразу. Между ними ещё с утра висела мелкая ссора. Мирон назвал её участие в разборе мастерской «неформальным сопровождением»,

Алёна ответила, что не собирается быть человеческой закладкой в ведомственной папке. С тех пор он говорил аккуратнее, а она молчала громче.

Самовар заметил их быстро. Две чашки сами выехали на край лавки.

— Нет, — сказала Алёна. — Мы просто наблюдаем.

Чашки пододвинулись ближе.

Мирон кашлянул.

— В рамках наблюдения допустимо находиться у объекта на расстоянии.

Самовар налил чай до краёв.

— Он тебя сделал, — сказал Филимон. — Садись, ревизор. Протокол потом поплачется.

Алёна села первой. Мирон сел рядом, держа папку на коленях, как щит. Самовар посмотрел на папку и выпустил пар. На обложке проступили слова: «Убрать со стола».

— Это служебный документ, — возразил Мирон.

Самовар налил в папку одну каплю чая. Мирон быстро убрал её в сторону.

— Временно убираю во избежание повреждения.

— Перевод: самовар победил, — сказала Алёна.

Мирон посмотрел на неё. Вид у него был честно растерянный.

— Я не хотел тебя обидеть утром.

— Обидел не утром. Ты меня всё время оформляешь. То сопровождающее лицо, то гражданский консультант, то помеха в протоколе.

— Помеха — тоже важное слово.

— Я не слово, Мирон.

Он смутился и взял чашку двумя руками.

— Я знаю. Просто когда я говорю нормально, у меня получается хуже, чем в документах.

Алёна чуть смягчилась.

— Тогда тренируйся на коротких фразах.

— Хорошо. Ты мне нужна.

Филимон чуть не подавился сухарём. Прасковья резко повернулась, но словолов в мастерской был далеко, поэтому она позволила себе обычное выражение лица.

Алёна покраснела.

— Вот видишь. Можешь, когда самовар смотрит.

Мирон поправил воротник.

— Он создаёт давление обстоятельств.

— Ничего, полезное давление.

Самовар довольно зашипел и выдал им по второму бублику.

Филимон тем временем пытался незаметно уйти. Получалось плохо: каска на его голове звякала, сухари в кармане хрустели, а самовар повернулся за ним носиком.

— Я просто воздухом подышу, — сказал Филимон.

Самовар выпустил пар. На пару проступили слова: «Филимон Балагуров».

— Полное имя пошло, — сказала Прасковья. — Всё, попался.

Филимон сел напротив неё.

— Если я сейчас скажу что-нибудь хорошее, прошу считать это техническим воздействием.

— Считаем, — сказала Прасковья. — Говори.

Самовар налил ему чай такой крепости, что ложка в чашке встала бы, если бы самовар дал ложку.

Филимон долго смотрел на чай. Потом на Прасковью.

— Я когда шутку про твою сестру сказал, давно ещё, думал, смешно будет. А ты потом три дня с ней не разговаривала. Я сделал вид, что не при чём.

Прасковья молчала.

— Я знал, что при чём, — продолжил он. — Просто если признаться, надо было бы перестать быть самым весёлым. А я тогда очень держался за эту должность.

Прасковья постучала пальцем по блюдцу.

— Должность у тебя вредная была.

— Есть такое. Но без тебя я бы давно в ней пропал. Ты ругаешься громко, зато не даёшь человеку стать совсем пустым.

— Опять красиво сказал, — буркнула Прасковья.

— Самовар давит.

— Пусть давит. Впервые польза.

Филимон улыбнулся, но тихо. Не для публики.

Агафья перевела взгляд на Архипа. Он стоял у забора, в стороне от общего стола. Самовар уже три раза поворачивался к нему. Три раза наливал пустую чашку. Чашка сама подвигалась к краю лавки, будто ждала хозяина. Но рядом с ней оставалось ещё одно место. Пустое. Стул там не стоял, но воздух над землёй чуть мерцал, словно держал форму спинки.

Архип видел это место и не подходил.

Агафья взяла с лавки свободную чашку и пошла к нему.

— Чего стоишь как столб у переправы?

— Наблюдаю.

— Ты не Мирон. Тебе не идёт.

— Самовар мой. Я должен смотреть, чтобы он не устроил деревне коллективную исповедь.

— Поздно. Уже устроил. Пока без жертв.

Архип усмехнулся, но глаза не смеялись.

— Он для одиночества был.

— На боку написано. Я читать умею.

— Я делал его, когда мать умерла. Дом большой, чайник кипит, а пить не с кем. Думал, сделаю штуку, чтобы человек за столом один не сидел.

— Хорошая штука.

— Недоделал.

— Заметно. Она теперь сама доделывает людей.

Самовар услышал и пыхнул с достоинством.

Архип посмотрел на пустое место у лавки. Воздух там снова дрогнул.

— Он зовёт не только тех, кто один сейчас. Он зовёт тех, с кем человек когда-то не допил чай.

Агафья не стала уточнять. После имени, которое вчера прошептала машина, лишние вопросы могли порезать хуже ножа.

— Пойдёшь?

— Нет.

— Боишься?

— Не хочу.

— Это разные слова.

Он посмотрел на неё устало.

— Сегодня не могу, Агафья.

Раньше она бы сказала: «Можешь, если не дурить». Или: «Сам сделал, сам и садись». Но сейчас увидела, как сильно он держится за забор, будто тот не даёт ему шагнуть к лавке.

— Ладно, — сказала она.

Архип удивился.

— Просто ладно?

— А ты хотел, чтобы я тебя за шиворот потащила? Могу. Но не сегодня.

Она села рядом на край старой скамейки у забора. Не возле самовара, не за общий стол. Рядом с Архипом, но на расстоянии, где можно молчать и не оправдываться.

Он стоял ещё минуту, потом сел. Чашку не взял. Агафья тоже не стала пить. Перед ними шумела улица: Нина с Марией уже спорили, кто первой вернёт межу на место; Алёна смеялась над тем, как Мирон пытается не смотреть на её руку возле чашки; Прасковья и Филимон ругались так мягко, что самим было неловко.

— Смотри, — сказала Агафья. — Твоя железка людей к столу сажает.

— Она не железка.

— А кто?

Архип помолчал.

— Моя попытка не остаться одному.

Агафья посмотрела на него, но не стала ловить взгляд. Пусть сидит. Пусть говорит, сколько может.

— Не самая плохая попытка.

— Плохая в том, что я всё хотел сделать прибор. Вместо того чтобы просто позвать человека.

— Прибор проще. Он не откажет.

— Вот именно.

Самовар вдруг громко зашипел. Все повернулись. У пустого места рядом с лавкой сам собой появился стакан в старом подстаканнике. Не чашка, как у остальных. Стакан был мутноватый, с гранёными боками. Рядом легла маленькая ложка. Потом воздух над пустым местом дрогнул сильнее.

Архип резко встал.

— Хватит.

Самовар не послушал. На пустом месте на миг проступили очертания женщины в старом пальто. Не лицо, не вся фигура, только плечи, край воротника и рука, будто тянущаяся к стакану.

Прасковья ахнула, но сразу прикрыла рот. Филимон снял каску. Мирон потянулся к папке и тут же убрал руку, потому что Алёна тихо сказала:

— Не сейчас.

Агафья поднялась рядом с Архипом. Она не встала перед ним и не отошла. Просто оказалась рядом.

— Чудин, дыши.

— Я дышу.

— Нет. Ты сейчас как Бурчик на морозе: шумишь внутри, а наружу не выходит.

Женская тень дрогнула. Самовар налил чай в стакан. Чай был тёмный, горячий, настоящий. Ложка звякнула о край сама собой.

Архип сделал шаг к столу, но остановился. Его лицо стало таким, каким Агафья ещё не видела: молодым, потеряннным и совсем без обычной защиты.

— Надя, — сказал он почти без звука.

Самовар ответил тихим паром. Тень не стала плотнее. Она только сидела у стола, как место, которое много лет ждали и боялись занять.

Агафья почувствовала, как внутри кольнуло. Не ревностью. Скорее пониманием: прошлое пришло не забирать, а напомнить, что оно всё ещё сидит за столом без ответа.

Самовар выпустил новую струю пара. Над стаканом проступили слова: «Чай остыл не тогда».

Архип закрыл глаза.

— Убери, — сказал он самовару. — Не сегодня.

Самовар не упрявился сразу. Он постоял, попыхтел и медленно потушил огонь внутри. Тень стала прозрачнее, стакан остался на лавке, но чай в нём больше не дымился.

Люди молчали. Даже Прасковья держалась.

Агафья подошла к самовару и положила ладонь на его тёплый бок.

— Хороший ты. Но без спроса за старые столы не сажай. Понял?

Самовар тихонько булькнул. На его табличке прежняя надпись потемнела, а ниже проступили новые слова: «Чай ждатель умеет».

Архип сел обратно на скамейку. Не за общий стол. Рядом с Агафьей. Она тоже села и взяла свою чашку обеими руками.

— Спасибо, — сказал он не сразу.

— Самовару скажи. Это он сегодня главный.

— Тебе.

Агафья сделала вид, что отпивает чай, хотя чашка уже почти остыла.

— Пей, Чудин. Раз уж твоя попытка не останется одному всем налила, тебе тоже положено.

Архип взял чашку. Рука у него дрожала, но он оставил её на виду. На лавке у самовара пустой стакан в подстаканнике стоял между людьми, как слово, которому ещё рано прозвучать.

Глава 6. Часы опоздавших признаний

После самовара улица долго не могла вернуться к обычной жизни. Нина с Марией сидели на лавке и обсуждали между так мирно, что соседские куры перестали клеваться и прислушивались. Прасковья ходила по дороге с видом женщины, которой приборы испортили репутацию, потому что заставили сказать хорошее и не дали сразу всё отыграть назад.

Архип ушёл в мастерскую первым. Не сбежал, как сказала бы Агафья, а именно ушёл: медленно, с чашкой недопитого чая в руке, будто нёс не чай, а доказательство, что ещё держится.

Агафья видела, как он поставил чашку на верстак и долго смотрел на пустое место у стены. Там уже не было женской тени, не стоял стакан в подстаканнике, но воздух будто запомнил чужое присутствие.

— Чудин, — сказала она от порога, — тебе бы поесть.

— Потом.

— Потом у тебя обычно изобретения ходить начинают.

— Сегодня уже ходили.

— Значит, тем более поешь, пока не побежали.

Он почти улыбнулся, но улыбка быстро ушла. Агафья не стала давить. С самоваром она поняла главное: в этой мастерской нельзя каждую закрытую вещь тянуть наружу силой. Иногда у старого железа память острее, чем у человека.

Филимон, наоборот, вошёл бодро. Каску он так и не снял. На лбу у каски красовалась надпись «Не трогать руками», и Филимон явно считал её не предупреждением, а званием.

— Предлагаю провести инвентаризацию опасного барахла, — объявил он. — Сначала чайное, потом словесное, потом то, что может укусить за душу.

Прасковья выглянула из-за его плеча.

— Тебя бы первым на полку поставить. С табличкой: «Открывать только в крайней скуке».

— А ты рядом. «Хранить в шумном месте».

Агафья подняла руку.

— Всё. Ссориться будете снаружи. Здесь вещи обижаются и потом воспитывают.

На верхней полке что-то тихо тикнуло.

Все сразу замолчали.

Тикнуло снова. Не как обычные часы. В звуке было лёгкое заикание, словно время споткнулось о половицу и решило не падать при свидетелях.

Архип поднял голову.

— Нет, — сказал он.

— Уже да, — ответила Агафья.

На полке между коробкой с медными кольцами и старым фонарём лежал круглый предмет под тряпкой. Тряпка сама сползла вниз. Под ней оказались часы странного вида: корпус от будильника, крышка от карманных часов, маленькое колесо от велосипеда сбоку и стрелка, сделанная из вязальной спицы.

Филимон восхищённо присел.

— Красота. Если такие поставить на кухне, обед будет приходить сам?

— Не трогай, — сказал Архип.

— Я смотрю глазами. Глаза пока не запрещали.

Прасковья фыркнула.

— Твои глаза уже столько бед видели, что им пора отдельный запрет выдать.

Архип подошёл к полке. Лицо у него стало закрытым. Он взял часы осторожно, двумя руками, как берут старую семейную фотографию.

— Я их делал из отцовских карманных часов, — сказал он. — И будильника. Колесо потом приделал. Хотел, чтобы время не стояло, а хоть чуть-чуть догоняло человека.

— Зачем догоняло? — спросила Алёна, появившаяся у двери вместе с Мироном.

Мирон хотел войти, но увидел часы и остановился на пороге. После вчерашних приборов у него выработалось уважение к чужим полкам.

— Чтобы успеть сказать то, что не сказал, — ответил Архип.

Прасковья скрестила руки.

— Опять ваши слова. Вчера машина говорила, сегодня часы догоняют. Чудин, у тебя в молодости нормальные табуретки были?

— Были. Но они не сохранились.

— Повезло табуреткам.

Филимон наклонился ближе.

— А заводятся как?

— Никак, — резко сказал Архип. — Не заводятся. Я их не доделал.

Но Филимон уже заметил маленький ключик сбоку. Не со зла заметил, а по природной беде: руки у него тянулись к смешному раньше, чем голова успевала оформить запрет. Он крутанул ключик всего на пол-оборота.

Часы звякнули.

Мастерская исчезла.

Филимон стоял у старого клуба. Не у нынешнего, подлатанного и привыкшего к чудесам, а у прежнего: краска на дверях облезла, афиша танцев висела криво, из окна тянуло гармошкой. Солнце било в глаза. На нём были не тёплая куртка и каска, а тесный пиджак. Волосы, непривычно гладкие, липли ко лбу.

Перед ним стоял парень лет двадцати. Серьёзный, чисто причёсанный, с лицом человека, который ещё верил, что приличное поведение спасает от одиночества.

Филимон узнал себя и испугался сильнее, чем если бы увидел лешего с бухгалтерской книгой.

— Батюшки, — сказал он. — Какой я был скучный.

Молодой Филимон нахмурился.

— Вы кто?

— Твоё будущее. Не лучшее, но живучее.

— Вы пьяный?

— Пока нет. И слушай сюда, гладкий страдалец: сейчас ты зайдёшь в клуб, увидишь, как Колька Еремеев споткнётся на сцене, и скажешь первую гадкую шутку. Все засмеются. Тебе понравится. Потом ты решишь, что если смешить людей первым, они не успеют смеяться над тобой.

Молодой Филимон побледнел.

— Я не говорю гадостей.

— Пока. Вот поэтому я и пришёл. Не начинай с большого места. Шути, конечно, без шуток ты засохнешь как прошлогодний укроп. Но не делай человека ступенькой для смеха.

Из клуба вышел молодой Колька с гармошкой. Он волновался, споткнулся о порог и едва не упал. У молодого Филимона уже дрогнули губы. Нынешний схватил себя за грудки и притянул ближе.

— Скажи про порог, — прошипел он. — Про порог можно. Порог не обидится. Колька обидится.

Молодой Филимон сглотнул, повернулся к Кольке и выдал:

— У нас клуб такой гостеприимный, сам артистов обнимает.

Колька рассмеялся первым. Потом засмеялись остальные. Смех вышел лёгкий, без укуса. Филимон почувствовал, как его отпускает. На миг ему стало обидно до смешного: выходит, можно было иначе. Не всю жизнь, конечно, но первую минуту можно было повернуть мягче.

Клуб, Колька и молодой он сам поплыли, как отражение в ведре. Филимон хотел ещё сказать себе что-то умное, но успел только гаркнуть:

— И Прасковью слушай! Она вредная, но дело говорит!

Мастерская вернулась рывком. Филимон сидел на полу, держал часы двумя руками и смотрел на них так, будто они укусили его за детство.

— Живой? — спросила Прасковья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.